Народный Леонов

Вчера один из самых любимых русских артистов отметил бы семидесятипятилетний юбилей

Известия, — 2001, — 3 сент. — с. 3
Можно представить, как отмечала бы страна семидесятипятилетие Евгения Леонова, будь он по-прежнему с нами. Артистов такой популярности больше нет, и дело не только в профессиональном мастерстве: Леонов был живым воплощением мягкости и незащищенности, скромности и доброты — черт, которые русский человек хочет видеть в себе самом. Вскоре в «Ленкоме» состоится сбор труппы — на нем будут вручены премии имени Леонова. 22 сентября пройдет посвященный ему спектакль — на этот раз им будет «Шут Балакирев». А сегодня о нем рассказывает его вдова Ванда Владимировна ЛЕОНОВА — они были вместе тридцать восемь лет, и в радости, и в горе, последние мгновения артиста прошли на ее глазах...

— Каким был Евгений Павлович, когда вы познакомились?

— Таким же, как и всегда, — скромным, застенчивым человеком. А ведь в это время он уже начал сниматься и был известный в Москве актер: Женя сыграл Лариосика в «Днях Турбиных» и на следующее утро после премьеры проснулся знаменитым. Но он ужасно этого стеснялся, от слова «звезда» его перередегивало.

Познакомились мы так. Мы с подругой шли по улице, за нами — актеры из Театра Станиславского. А он шагал сзади — неуклюжий, симпатичный молодой

человек. Актеры говорят: мы хотим с вами познакомиться, приходите сегодня вечером на спектакль «Дни Турбиных». Тут он к нам и подошел: «Я тоже хочу познакомиться... Мы были знакомы три дня, он стал мне звонить — все началось с трехдневного романа, а кончилось браком, продолжавшимся тридцать восемь лет.

— Я знаю, что в «Ленкоме» до сих пор ходят легенды о том, как Евгений Павлович помогал людям.

— Уже восемь лет как Жени не стало, но не бывает дня, чтобы в театре не вспоминали «Па-

лыча» — так его называли в «Ленкоме». Кого-то он освободил от армии, кому-то помог с пропиской, другому выхлопотал квартиру.

— Но даже у самого гармоничного человека (тем более — у актера) всегда есть какое-то неисполненное желание, какая-то душевная боль...

— Он мечтал сыграть короля Лира, но Марк Анатольевич не поставил этот спектакль. Женю считали комедийным актером, а у него были прекрасные драматические роли — он ведь сыграл на сцене Иванова, Креона, снялся в «Донской повести» и в «Белорусском вокзале». Мечты были — но не осуществились. Рано он ушел из жизни.

У Жени побаливало сердце, врачи говорили, что электрокардиограмма неважная и ему надо поменьше работать... Но того, что случилось, не ожидал никто. В 1989 году «Ленком» поехал в Германию с «Диктатурой совести», и Женя снова ужасно кашлял. Все думали, что у него воспаление легких, вызвали неотложку. А по дороге в больницу

он умер. Произошла клиническая смерть.

В госпитале немцы сделали все, что было можно, — 16 дней он был на аппарате, потом ему сделали операцию. Мы с сыном долго ждали — лишь на двенадцатый день врачи сказали, что Женя будет жить.

Он месяц пролежал на реабилитации, еще через полмесяца приступил к репетициям и вскоре вышел на сцену в «Поминальной молитве». Первое время ему было очень тяжело, и Захаров за него боялся. Довольно долго на спектакль приходил Стеклов, тоже игравший Тевье.

В последние годы Женя считал, что он никому не нужен, его грызло одиночество. А как только начинались звонки и его приглашали на роли, он сразу прибодрялся: «Нет, это я себя накручиваю. Я еще нужен, еще поживу и сыграю...» Но жизнь распорядилась по-своему. Умер он собираясь на «Поминальную»... Костюм Тевье у Жени был дома: он начал его надевать, накинул на плечи кофту, выпрямился — и упал.

Алексей ФИЛИППОВ